

Алексей Будищев

Распря



Алексей Будищев

Распря

«Public Domain»

1901

Будищев А. Н.

Распря / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1901

«На въезжей села Балясина собралось целое общество. В тесной избе, скупо озаренной лампой ценою в четвертак, на деревянных лавках, в самых разнообразных позах, размещались всякого рода посетители. Каждый из них ехал по своему делу в губернский город, спешил и строил приятные планы, но осенняя ночь распорядилась по-своему; она предательски подкараулила их среди дороги, обложила непроницаемой тьмою, загнала всех в одну избу и решила выдержать здесь вплоть до рассвета. Чего она хотела достигнуть этим – неизвестно, но она так пожелала, и люди должны были подчиниться...»

© Будищев А. Н., 1901

© Public Domain, 1901

Алексей Будищев

Распря

На въезжей села Балясина собралось целое общество. В тесной избе, скупо озаренной лампой ценою в четвертак, на деревянных лавках, в самых разнообразных позах, размещались всякого рода посетители. Каждый из них ехал по своему делу в губернский город, спешил и строил приятные планы, но осенняя ночь распорядилась по-своему; она предательски подкараулила их среди дороги, обложила непроницаемой тьмою, загнала всех в одну избу и решила выдержать здесь вплоть до рассвета. Чего она хотела достигнуть этим – неизвестно, но она так пожелала, и люди должны были подчиниться.

И вот по капризу этой ночи в избе собралось целое общество. Здесь был состоятельный помещик и видный земский деятель Беклемишев – человек лет 30-ти. Он сидел у стола, с которого только что убрали самовар, курил папироску и поглядывал на присутствующих насмешливыми глазами. Он ехал на земское собрание. Далее, за тем же столом помещался отставной полковник Селижаров, которого все почему-то называли генералом, – грузный старик с отеками, красным лицом и седыми усами. Этот сидел понуро в громадном зеленом шарфе и потертом военном сюртуке и бросал исподлобья недружелюбные взгляды. Он ехал в город за пенсией. Еще дальше, на лавке, сидел богатый землевладелец из крестьян Сутугин, тоже старик, одетый в похожую на сюртук поддевку. Он поглаживал бороду и все время ядовито оглядывал Селижарова с выражением самого обидного сожаления. Он тоже ехал на собрание и кстати подвозил в гимназию своего сына Андрюшу – только что оправившегося от болезни; этот последний, мальчик лет 16, худенький и бледный, сидел тут же рядом с отцом, облокотясь на подоконник с тихой и грустной мечтательностью на всем лице. Все эти посетители были очевидно почетными гостями и размещались за столом или же рядом. А подалее почти у самой двери, за самоваром, поставленным на табурет, хотя и на столе было достаточно места, сидели еще два человека, в полутьме очень похожих друг на друга и одинаково одетых в казинетовые армяки. Они жадно схлебывали с блюдечек жидкий чай и сперва вели беседу по поводу черногорского воеводы, портрет которого висел тут же, на стенке, перед их глазами, и которого они оба сразу приняли за атамана Платова. Разговор свой они вели полусшепотом и вскоре перенесли на богословские темы. При этом все вопросы ставил все один и тот же, а другой на каждый вопрос неизменно отвечал таинственным полусшепотом:

– Через Свят Дух.

Кроме всех этих посетителей в избе находился еще один, но он спал мертвым сном, на полу, возле печки, с головой укрывшись дорожным чапаном; но кому принадлежало это тело, для присутствующих оставалось тайной.

В избе было душно и скучно. Порою раздавался здоровенный храпок спавшего или шопотливое – «через Свят Дух» споривших богословов, да сквозь тусклое и мокрое окошко в избу доносились из поля какое-то шипенье, какое-то недовольное брюзжанье, кислые вздохи и грусть. И по этим намекам для присутствующих было ясно, что в поле идет все та же музыка, тянется все та же распря давнишняя и застарелая, надоевшая обеим враждовавшим сторонам до смертушки, обессилившая их, и превратившая землю в дряблую гнилушку, а небо в мокрую ветошь.

И от этой ли музыки – или от чего другого, но взор Сутугина, смотревшего на Селижарова, делался все ядовитей и ядовитей. Наконец он не выдержал и погладив бороду, спросил:

– А вы, ваше превосходительство, тоже на собрание едете, или так зачем?

Он подождал ответа, но Селижаров безмолвствовал и только глубже ушел в свой зеленый шарф.

Сутугин вздохнул.

– Так-с, – сказал он, – не устаивают ответом!

Он насмешливо поглядел на всех и добавил:

– И я тоже хорош! О собрании спрашиваю, когда у их превосходительства и ценза-то земского нет! Тю-тю ценз-то, в соседи ушел, брагу пить!

Он рассмеялся мелким смешком и с торжеством оглядел присутствующих.

– Как же, – вскрикнул он, – ведь у их превосходительства всего 86 десятинок осталось, а усадьба: флигелек в три оконца, коровий хлев да куриный насест! И только-с!

Он снова рассмеялся, снова не без лукавства оглядел всех, как бы ожидая поддержки, и вскрикнул:

– А всю их землицу, 2,000 десятинок с садишком, лесом и с мельницей, я ведь скупил!

– А я-то сам, – добавил он через секунду, – я-то сам бывший крепостной их превосходительства – Евлампий Тихоныч Сутугин, земский гласный и попечитель училищ! Да-с!

Он снова замолчал, поджидая, видимо, со стороны Селижарова взрыва. Но Селижаров безмолвствовал; он по-прежнему сутуло и грузно сидел за столом; только его рука, красная и волосатая, нервно теребила зеленый шарф. И это молчание еще более подзадоривало Сутугина. Между тем в избе стало тихо, даже богословы прекратили свой спор; все насторожились, чувствуя, что здесь что-то завязывается. Сутугин вздохнул.

– А жаль, – проговорил он, больше глядя на Беклемишева заигрывающими глазами, – а жаль, что у его превосходительства цензу нет. Весьма жаль-с! Помогли бы они нам в уездных делах разбираться; ох, как помогли бы! Необычайного ума человек их превосходительство и жизни наичистойшей! – А как, ваше превосходительство, – внезапно перенес он свой взор на Селижарова, – водятся ли у вас в озере нимфочки или уж перевелись все? Неужели уж так-таки ни однехонькой не осталось? ась?

Его лукавый взор внезапно облил Селижарова ненавистью; у того тоже запрыгали щеки и он ответил ему таким же взглядом; они обменялись взорами, как вызовом.

– А что, Евлампий, – наконец спросил в свою очередь Селижаров Сутугина хриповатым басом, – не наймешься ли ты ко мне, Евлампий, свиней пасти? Почему в лето возьмешь, а? При своей бедности я тебе четвертной билет жертвую! – и Селижаров расхохотался, брызжа слюною и содрогааясь всем своим грузным телом.

Сутугина всего передернуло. С минуту он глядел на Селижарова с дикою злобой, но затем он как бы овладел собою и довольно спокойно ответил:

– Ваших свиней мне пасти не к чему-с; у меня у самого 250 голов их-с!

– Это ты и себя в том числе считаешь? – спросил Селижаров с злым хохотом.

Андрюша подскочил на лавке от этих слов; видимо он хотел что-то сказать, крикнуть, но передумал, снова уселся на лавке и тихо проговорил отцу:

– Будет вам, папаша!

– Цыц! Не смей! – крикнул Сутугин и снова молча измерил Селижарова негодующим взором точно перед поединком.

В избе сделалось еще тише и напряженней; страсти, видимо, разгорались и обещали целый пожар. Все затаили дыхание и оглядывали противников. Только сквозь тусклое окошко в избу приносилось порой кислое брызжанье осенней ночи, да спавший под чапаном человек продолжал мирно посвистывать носом. Ему, очевидно, не было никакого дела до разгоравшейся распри; он спал точно погруженный в нирвану. Наконец, Сутугин собрался с силами.

– Вы, конечно, – проговорил он, – можете обзывать меня всячески, всенародно, при двух тысячах десятинах и при попечительстве! Я что же? Нуль-с! Но не припомните ли вы, ваше превосходительство, не припомните ли вы крестьянскую девицу Калерию-Нимфу?

При этих словах Сутугин выдвинулся вперед и упер обе руки в бока, поджидая ответа. Селижаров тоже поднялся с лавки. Все его красное лицо дрожало.

– Так я и знал, – вскрикнул он с пафосом – так я и знал, Евлампий, что ты к этому klo-нишь! Но понимаешь ли ты, что когда ты моих телят пас, я понимаешь ли, на севастопольские бастионах, понимаешь ли, кровь свою проливал!

– Бог свидетель, – вскрикнул он с еще большей силой, – десять раз в вылазках, золотое оружие, Владимир с мечами!.. Искуплено кровью!.. – Нахимов! Пал Степаныч! – простер он обе руки к потолку, – свидетельствуй с высоты монумента, видел ли француз, англичанин или турок селижаровский тыл? Грудью! Вот она! Красная рубаха, сабля в руке. За мной, ребята, в виду неприятеля! Дымящиеся внутренности, стон, ад! Неприятельский штандарт голыми руками – мой-с! Ваш? Как не так! Мой-с!.. Казаку Катемасову из рук в руки: на, бери! Наш! Завладели!..

Селижаров на минуту передохнул и сейчас же начал снова:

– Девица Калерия-Нимфа? Было, что же-с! Выпьешь – фантазмагория, мираж, аллегория! Всякое бывало-с! Но, Пал Степановичу скажи!.. В солдатской шинели спал! Грешневую кашу с французской пулей ел! Ешь, пуля щелк, – горшок к черту! Искуплено кровью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.